

1 июля 1998 года

Известия, - 1998. - 1 июля. - с. 5

Никита Михалков:

Так кончаются смутные времена

Никита Михалков — актер и режиссер — знаменит и любим. Михалков — общественный деятель — явился вдруг. И это явление сразу окуталось слухами, домыслами и далеко идущими предположениями. Поэтому мы говорим не только о кино.

— У меня дома на полке ваши фильмы. Я хочу, чтобы их было больше. Вы встали на путь, который будет вам мешать их делать. Вы что, способны когда-нибудь бросить эту профессию?

— Мне очень не хочется ее бросать. Но мне тесно. Я чувствую себя потрясенным, когда одновременно снимал «Обломов» и «Пять вечеров», был занят 20 часов в сутки. И еще. Мне неловко перед коллегами, которых раздражает то, в чем я не виноват. Я же не напрашиваюсь никуда! Никого не обираю и ни у кого не отнимаю. Не выбаю денег на свои картины на Западе — мне их предлагают. Но мне стыдно быть одному, понимаете? Я надеюсь создать атмосферу, в которой кино будет развиваться гармонично и деньги будут доверять многим... Вот вы напишите это — боюсь, все равно поймут по-своему! Я же не могу брать людей за руку и объяснять, что действительно хочу им помочь.

Если меня не любят, то на уровне каком-то генетическом. Люди, с которыми я никогда не общался близко и которых не могу сказать, что я им сделал что-то плохое. Но поговорите с теми, с кем я работаю. Любовь объяснять не нужно: просто люблю со всеми потрохами, мне приятно с тобой быть. Нужно объяснять — нелюбовь. Я могу допустить, что не устраивает мое существование. Независимое, активное, иногда агрессивное. Но никто не говорит конкретно: ты сделал то-то и то-то дурное.

Я не прошу никого меня любить. Мне интереснее побыть на велосипеде в лесу, чем на тузовке со стаканом. Мысли приходят, я могу упасть три раза, подняться, матюгануться, орать, проклинать свой велосипед. Это моя жизнь, и никто не заставит меня жить по иным законам.

Самым непонятным пунктом вашей программы остается вопрос: где взять деньги? Какими будут ваши первые шаги?

— Нужно заставить работать экономический механизм киноиндустрии. Есть сферы, в которых я не могу и не должен разбираться. Могу только верить тем, кто работает в Фонде культуры доказал, что есть мощная команда. Она и проектирует тот маховик, который поможет зарабатывать деньги и их распределять.

Первые шаги — создание межведомственной комиссии, которая разработает структурные механизмы основы Кинофонда. Идея Фонда — проста: лицензирование розничной продажи. Невозможно вести налог на кинобилет, как во Франции. Люди не получают зарплату и при словах «налог на кино» проклинают все на свете. Но громадные деньги плывут мимо кинематографа из-за пиратских массов. Из-за того, что непомерно много фильмов на ТВ — до 300 часов в уик-энд. Невозможно подделывать билет на самолет — он номерной, заложен в компьютер. Таким должен быть и билет в кино. Но нужна политическая воля правительства и президента. Уго-ничего не делать. Мне просто надо писать отписки, начнется крутоворот бумажки, и я буду ходить по кабинетам, как слепая лошадь упряжки арены, тратить огромные усилия, которые ни к чему не привели. Мы уже выпускаем газету «Союз кинематографистов», ее задача — сделать наши действия абсолютно прозрачными. И если не получится, будет ясно, почему. Кому этого не хочется и кто это саботирует.

— На IV съезде вы отказались говорить о результатах проверки дел СК. На III съезде вы прямо говорили о злоупотреблениях. Действительность опровергла предположения?

— Нет.

— Это злоупотребления или традиционные неумелость и дурость?

— Дурость и неумение тех, кто находился на виду, при злоупотреблениях тех, кто в тени. Но представляется, что было бы, начни я съезд с перечисления фамилий, фактов и дат. Была бы роскошная буча, газеты с упоминанием писали бы о разоблачениях. Мог я после этого рассчитывать на помощь?

— Но в результате единственным, причем бездоказательным, обвинением оказалось интервью Василия Ливанова «Кто и как ворует в нашем кино».

— Но все это бесмысленно, потому что не имеет никаких последствий. Никитах! Вот Дмитрий Сергеевич Лихачев выдвинул против меня серьезное обвинение. Ведь это основание для того, чтобы немедленно прислать в Фонд культуры аудиторскую проверку и убедиться, прав он или не прав. Прав — призвать меня к ответу. Не прав — публично опровергнуть. Но ничего не последовало.

Люди перемали друг другу кости, отравили себя и все вокруг, кто-то поверил, кто-то нет, и все осталось на уровне слуха. Вот в петербургской газете заголовки: «Михалков застрелил корреспондента».

— Такой они дали «репортаж со съёмки»: в руках разъяренного Михалкова оказался револьвер, и он выпустил четыре пули в истекающего кровью журналиста. Если так, кто мне должен немедленно прийти и начать следствие по делу об убийстве. Но — ничего! Мы живем в мире невероятного мифотворчества, и эти мифы, как китайские картонные змеи-страшилки, летают повсюду, а потом забыты гниют.

Что же испугались? Пишут: ага, тепленькое место, поплывут гигантские денежные потоки! Если это будут гигантские денежные потоки — дай Бог. Вам страшно, что я буду с ними рядом? Но, дорогие мои, вы поймите меня за руку и тогда посадите в тюрьму. Это же воровская психология: скажи мне, где работаете, и я скажу, что ты крадешь. Но есть тысячи людей, которым имя и честь дороже.

Да, я мечтаю стать у миллиардных потоков. Причем так, чтоб их распределять. И на нормальное здоровое кино, и на эксперименты, и чтоб Овчаров работал, и Паша Чухрай, и оба Годоровских. И молодым. Если бы эти потоки возникли, мы бы организовали в Екатеринбурге пункт обучения и производства, чтобы люди с Дальнего Востока не рвались в Москву и не сидели тут безработными, а работали на Урале, где мощная студия, ей только надо помочь. Чтобы было свое кино в регионах.

— Вы много говорите о пользе созидательных мифов. Согласен: воздействие фильмов на общество велико, кино многое может сделать для его излечения. Но этому вашему тезису противопоставляет другая: интеллигенция в кризисе, она одержима идеей мата от этой жизни подале. Откуда возмущает созидательные мифы?

— После войны, после Гагарина 91-й год стал первой победой, которая была воспринята всенародно и искренне. И если бы культура и корневая система не были так изъедены ржавчиной лжи и безбожия, эта победа могла бы со страной сделать гениальное. Если б новые власти не стали делить портфели, воевать за кабинеты, абзады охраны, машинами... Если бы начали немедленно работать. Вот кончили с ГКЧП, два дня перекурили — и работаешь, делая реальные реформы!

Правда, прежде надо было познать людей, которые росли здесь, знают эту землю, ее историю. Обернулись до 17-го года, посмотреть Столыпина, первую конституцию, подписанную Александром II. Посмотреть Ильина и его конституцию. Есть же умные люди, которые знают Струве, Гершензона, Булгакова, Льва Гумилева. Люди, которые понимают, что такое евразийство — место между Востоком и Западом. Вот их и позвать: идите сюда, давайте, думайте. Мы свое сделали, место расчистили, но мы учились в ВПШ и ничего не умеем, кроме как строить коммунизм, который вообще нельзя построить. Расскажите, что и как было в России. И чего теперь делать.

Вы видели мою картину «Анна от 6 до 18»? Я там все сказал. Были два полуса: США и СССР. И между ними болтался весь остальной мир. И он там уютно устроился! Воевал потихоньку друг с другом, кого-то мы поддерживали, кого-то американцы. Но мы существовали как два полуса, и это было здоровое существование. И эти полуса невозможно сшить. Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места им не сойти. Надо было познать, что мы — мост. И встать посередине этого моста. Но мы упустили шанс. И стали тупой пиллой экспериментально расчлененного тела народа. А теперь прозрение. Для многих оно оборачивается злобой. Для других — вечным вопросом: что делать?

Интеллигенция не знает, куда деваться? Но она же своими руками все извела. В 91-м вместо того, чтобы искать пути, она стала требовать расплаты тех, кто имел признание и при Советах. Вспомните, какое страшное наказание обрушилось на тех, кто с детскими необыкновенно тогтал Бондарюков. Что за эти 10 лет снял Элем Климов? Андрей Смирнов? Ничего. Что снял Алексей Герман? Одни фильмы. Что же получается, есть звери, которые могут размышлять только в неволе? Климов при власти, которая его душила, снимал замечательные картины — «Добро пожаловать», «Спорт, спорт, спорт»... Герман — «Операция «С Норманном»».

— Расскажите о фильме под названием «Самый крупный проект в Европе в этом году. Картина о юнкерах, о достоинстве, романтике, костюмная. Очень трудная. И я почувствовал себя по-настоящему счастливым, когда на 188-й съезномый день на последнем кадре сказал: «Стоп!». Вы понимаете, что такое 188 съезномый день! Когда в феврале я увидел на Москве-реке байдарки, а нам надо снимать мажорный паром из рта, с солнцем, со снегом. У Нодольевского монастыря три тысячи человек массовки и декорация в несколько сот тонн на тающем льду с риском провалиться. Это

«Мой друг Иван Лапшин», «Двадцать дней без войны» — это же классика! В тяжелейших условиях борьбы с Госкино, со скандалами, с лежанием на полке — но была жизнь. Теперь все можно — и что?

Свобода! А что с ней делать, толком не знаю. И люди на освещенных Патриархом баррикадах пели: загорелся БТР у села Кукушкина, и далее в рифму. Но ведь в этом бэтзоре горят соотечественники твои!

— Где же тот человек, который готов сказать с экрана слово надежды и поддержки?

— Есть множество таких людей. Только им нужно перестать бояться выглядеть чужими среди своих.

— Но это же будет, как пшут, «папино кино», «гильей запах газетница»!

— Вот-вот. Была такая инструкторка: как вести себя за границей. Если в купе окажется лицо другого пола, нужно потребовать, чтоб расселили. Гулять по городу только втроем. Если человек терял партбилет, он бросался с 11-го этажа. Просто бумажку терял — и его жизнь на этом кончалась! За хорошую работу давали кусочек трыпки. Пять часов ты стоял с ребенком на Красной площади, чтоб посмотреть на труп. Потом ончнулся: это же ужасно! За кого меня держат!

Сегодня надо точно так же очнуться от упоения «новым кино» и сказать: это — не ново и не талантливо. Это непрофессионально, пошло и бездарно. Это не кино. Хочешь снимать такое — снимай. Только до этого нужно снять про нашу историю — мощный фильм о Дмитрие Донском, к примеру. И еще — сказку, роскошную, богатую, с компьютерной графикой, с Соловьев-разбойником и Змеем Горынычем, сказку, от которой дети будут балдеть — куда там «Бэтмену!» Что с вами, ребята! Больные, искорженные люди, уверенные в том, что интеллигент должен обязательно подходить от голода, не понимаемый народом, — что за чушь! Хочешь поиграть под забором от непонимания — твоё право, но какое это имеет отношение к нормальному человеческому бытию?

Люблеш рекорд? Люби. Каммбер вонючий сыр, очень вкусный, с красным вином — роскошно. Но нельзя же и третья на первом, второе и третье! Нельзя это пытаться!

— А может, вы тоже приверженец «папиного кино», может, вы консерватор?

— Простительный консерватизм — единственное, на чем может держаться Россия. А когда я разговариваю с этими мальчишками, я хочу пробудить в них знание что? Чувство самосохранения! Не только их души, их нравственности — их жизни! Они раскачают лодку, так что кто не успеет убежать — могут по стене размажут, на колени посадят.

В Сочи вы говорили о профессии, которая у нас вымерла, — делать кино. Есть один тест: отношение к музыке, которая в искусстве, по-моему, начало всего. Я не знаю у вас второго режиссера, который бы так точно и здорово, как вы, ее использовал. Вы ей учились?

— Учился. Очень не любил сидеть за роялем и за это получал от мамы мокрым полотенцем по загривку. Но для меня музыка — все, что звучит. Я ощущал и раньше, но формулировку вычитал у Михаила Чехова: любовь искусство пытается быть похожим на музыку. Музыка для меня — дышащие листья, песня проводов, дрожащие чашечки в руке. Слово — тоже музыка. Когда я репетировал Чехова в итальянском театре, я ничего не мог добиться от актеров, пока не предложил им не говорить, а петь. И как только один воображал себя контрабасом, другая — флейтой, — чувствовал, что-то стало естественным. И это просто сплело спектакль, я уже не знал, что с ним делать.

Потому я стараюсь во всей партитуре фильма исходить из этого «заметного» звучания. За исключением новой картины «Сибирский цирюльник», которая — другой жанр. Я попробовал там использовать музыку, как раньше, получилось — словно одежду лилипута оставили в огромном зале.

— Расскажите о фильме под названием «Самый крупный проект в Европе в этом году. Картина о юнкерах, о достоинстве, романтике, костюмная. Очень трудная. И я почувствовал себя по-настоящему счастливым, когда на 188-й съезномый день на последнем кадре сказал: «Стоп!». Вы понимаете, что такое 188 съезномый день! Когда в феврале я увидел на Москве-реке байдарки, а нам надо снимать мажорный паром из рта, с солнцем, со снегом. У Нодольевского монастыря три тысячи человек массовки и декорация в несколько сот тонн на тающем льду с риском провалиться. Это

были просто военные действия, и если бы не МЧС с Сергеем Шойгу и его ребятами, которые помогли нам, фильма бы не было.

И впервые снимал такой масштаб, и мне никогда не было так трудно с монтажом — материал, как квашня, вылезал отовсюду. Вот классно сложился эпизод, но в картине он должен занять место крошечное, как мизинец. Смотришь фреску — торчит кусок чего-то. Отдохнешь — и видишь, что мизинец получился больше, чем рука. И режешь, и режешь, пока он снова не станет мизинцем. Это неверно, я никогда не был так зависим от материала и его масштаба. 147 тысяч метров пленки!

— Каким должен быть окончательный метраж?

— 2 часа 50 минут. А полный вариант будет разбит на 5 серий для ТВ. Я хочу, чтобы с этой картины в нашем кино началось хоть что-то. Чтобы люди поняли, что мы еще умеем снимать. С массов-

ничего за это не будет. И как реакция возникла бесовщина. Когда поднимается одно, тут же активируется другое. Мгновенно! Для меня это носит характер абсолютного природный: смерти, бури, все связано, все живое. Можно назвать это мистикой, а можно — просто верой. И, возвращаясь к «новому кино», я совершенно убежден: то, что этих ребят крутит, — это нормальная бесовщина. Исполнители отняли, к вере они не примкнули. И тут же являлись эти «Люди и уроды», и «Тело будет предано земле...».

— Вы православный. Я атенет. В стране множестве конфессий. Но есть постоянный соблаз всех привести к одному алтарю и одним убеждениям. И тогда вместе припрения именем православная несут раздор. И вот Николай Бурилев на сцене призывает сделать кино, патризм, русским. А мне оно и так кажется русским, только не хотелось бы лишать его Эйнштейна, Ром-

видишь, у меня пока ничего не получается, давай вместе подумаем... Другое дело — умеешь ли ты право и умеешь ли так разговаривать.

— Ельцин умел. Он еще секретарил в Свердловске, я туда приехал, смотрю телевизор, на экране Ельцин. Дорогие свердловчане, говорит, вы знаете, я противник того, чтоб отрывать людей от работы и посылать на село. Но сами видите — дожди, поля затоплены, если не поможем, урожай погибнет. И я тогда подумал: мне тоже не хочется ехать на картошку, но раз со мной так говорят — поехал бы. Он это умел делать.

— Обо всем можно договориться! Но как договориться, если все подвергается сомнению? В Америке презенту объявили импичмент, но он остался в истории президентом номер такой-то. Поэтому что был избран страной. И импичмент не означал, что он уничтожен и все его дела преданы

кроме зависти, злобы, ненависти. И, как только появится возможность, такую власть скинут.

Я власти не жажду. И убежден, что в России наверняка есть человек, достойный этого во всех отношениях. Возможно, он на виду, но ему еще предстоит выдвинуть программу, которую стоило бы поддержать. Возможно, его еще не знают, он молод и неизвестен, его надо искать, готовить. Но в любом случае для того, чтобы взять на себя этот крест, необходимы душевное понимание этого и уверенность, что так думаешь не ты один. Необходимо благословение Синода, ибо я убежден, что это будет человек православный. Наконец, он должен осознанно отказаться от строительства своей политики на отрицании предыдущей.

Задача того, кто занимает такой пост, — все время слышать и чувствовать народ. Ехать к людям нужно не тогда, когда шахта взорвалась. Триада: православие, самодержавие и народность — не зря придумали! Самодержавие — ответственность богопоманника, православие — нравственная основа, народность — демократия. То есть когда самодержавие, стоящее на православии, выявляет собою прямую связь с народом.

— Какой общественный строй вы считаете лучшим для России?

— Самый естественный для России — конституционная монархия и просвещенный консерватизм.

— Но реалистично ли это сегодня?

— А разве мы имеем что-то другое? Какая разница, как будет называться император — президент, премьер-министр... Но повторю еще раз: уж коль мы сами избрали президентом Ельцина, то должны взять лучшее из того, что сделано, и это движение продолжить. Движение реформированной страны, которая должна уходить от большевизма как способа решения любых вопросов. И этот путь должен базироваться в исторической, культурной, генетической традиции, которая во все времена проследивалась в России.

— Но мы получили криминальную страну, в людях высвободились самые темные силы, и это процесс, который, по-видимому, никем не был предугадан. Как преодолеть эту, в общем-то, гибельную болезнь?

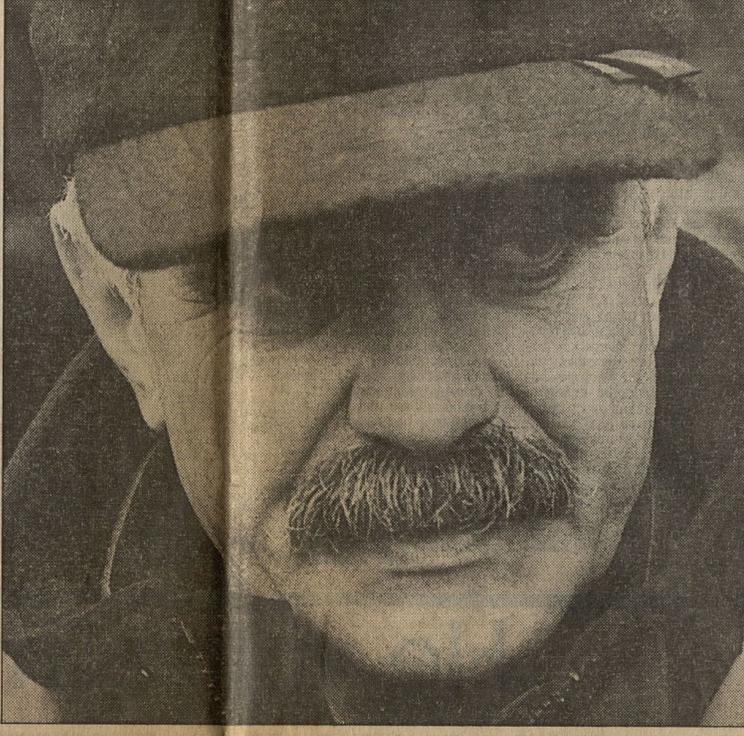
В 18-м году в Одессе был собран съезд уголовного мира, который принял единственное решение: поддержать революцию. Николая бы она не прошла, если б уголовный мир не был на ее стороне. А сегодня? Я убежден: можно со всеми договориться. В конце концов «новым русским» тоже нужны закон и защита. Хотите обоснованности — давайте разговаривать. Какая вам разница: у вас 5 миллиардов или один, все равно вы уже не считаете эти деньги, у вас уже самолет, вилла здесь, вилла там, но одновременно везде вы быть не можете, остаете тешишься сознанием, что у вас это есть. А человеку нужно не так много, и все равно все кончится двумя метрами земли. И приходит понимание: не в том деле, сколько ты заработал, а в том, как заработанное использовал. Почему «новый русский» финансирует симфонический оркестр? Ему скучно. Он это делает, ничего в музыке не понимая. Но его пятилетний сын уже вскоре будет это делать осознанно.

— Вы часто говорите об американском опыте, и слух о вас как о стороннике отдельного пути для России мне начинает казаться тоже легендарной.

— Я сторонник открытой России, но она должна влиять на мир в такой же степени, в какой мир влияет на нее.

— Вы готовы подписаться под известным изречением Вольтера: я с тобой не согласен, но готов отложить жизнь, чтоб ты мог высказать свои убеждения?

— Оно слишком красиво, чтобы с ним спорить. Но такая красота мир не спасет. Это прилипчивый добра. Особенно если добро не окрепло и не имеет под собой прочной основы. Посмотрите: людям дали возможность самим отвечать за себя, и это самое важное из того, что произошло. Но как воспользовались этой возможностью? Назвать человека дурным только потому, что за это ничего не будет, и этим компенсировать свои комплексы, брать реванш за унижения, на которые ты сам шел, — здесь нет доблести. Я уважаю людей, которые высказывают свою точку зрения, но принципиально не приемлю дисциплентства. Потому что, как правило, это борьба не с чем-то конкретным, что мешает жить, а — борьба вообще. С тем, что является собою власть, силу. Мне объясняют: интеллигенция всегда была в оппозиции к власти. А почему это должно быть так? Я мечтаю иметь власть, которую буду любить. Мечтаю о том, чтобы жизнь моя, моих детей, моей страны зависела от людей, которых я уважаю, сам избрал и они оправдывают мое

Анатолий БЕЛОГОЛОВ

кой, с роскошным звуком. Только нужно в это вкладывать ослы, умение и средства, и все вернется.

— Вот я все слушаю и думаю: а может, быть новых режиссеров в том, что они необразованы? И все, что вы говорите, для них как аллегория для допкопала. За ними нет ни истории, ни даже опыта самого кино, и они все изобретают кино.

— Чему их учат во ВГИКе? Курса может не прийти на экзамен по мастерству, — о какой учебе речь? Варится в своем соку необразованные люди и убеждены, что этот сок и есть жизнь. И шифруют пустоту. Они могут очень умно рассказывать про свои картины, но того, о чем они мало знают, в их кино нет. Раскошеляются, но их кино не имеет задулку, надо ее о-у-с-шествить. Нужно знать монтаж, движение камеры, и как светить кадр, как построить мизансцену, как разорвать с актерами, что было до этого кадра и что будет после, только тогда можно познать, что делать здесь, в кадре. Это же все надо уметь!

— На мастер-классе в Сочи вы рассказали замечательную историю: «В «Механическом пинино» должна была сниматься Елена Соловей. А у нее только что родился сын, и я взял актрису, очень на нее как надо. И репетировал. Вроде все как надо. И в то же время что-то не то. Но продолжаем. Сняли первый материал — чувствуем, что-то не совпадает. Отправляем в лабораторию — брак. Смотрим на экране и не верим своим глазам: на общем плане точно по контуру этой актрисы идет разложение эмulsion. Вот герония вышла из кадра — и пошла нормальная картина. Вернулись — и вместе с ней движется ореол разложившейся эмulsion. Что делать? Уговорили Соловей — и все вошло. Красиво придумали?

— Чистая правда.

— Вы верите в нечто, что вами руководит?

— Я верю в Бога. А значит, и в существование дьявола. И я очень ясно представляю, что с нами происходит. В безбожные времена застоя все было тихо и гладко: кто-то сажали, кто-то что-то писал, что-то снимали... Работаете — 120, не работаете — 120. Потом все развалилось, и тогда проснулось религиозное самосознание — где-то кликушеское, где-то изуродованное, а где-то — искреннее. Стало можно ходить в церковь,

ма, Райзмана и Калатозова. Как сделать общество более терпимым? — Это рудименты безбожия. Я говорил Бурилеву: нельзя все время сутелиться по поводу того, что тебе чего-то не дают. У тебя есть то, что ты любишь. Чем отличается патриотизм от национализма? Национализм — это когда в своем самоуверждении отжимаешься на ком-то другом и любишь свое за счет другого. Патриотизм — это когда тебе любовь и не мешаешь другим любить свое. У меня ши, а у вас чебуреки. А у вас что — маца! А у вас пашкалы! Расскажите, как вы ее делаете.

— Убежден, что православие — основа нашей страны. Потому что здесь большинство исповедует православие. Но однажды под Нижним Новгородом я попал в татарское село. Березы, поля — и мечеть. Для меня мечеть — это белое солнце пустыни: пески, дувала, старики сидят. Я это понимаю, уважаю, но как-то странно видеть мечеть посреди русского пейзажа! Сколько ей лет, спрашиваю. Шесть лет как построили. А давно здесь живут татары? Возмесьте лет, отвечают. И все! У меня вопрос был снят навсегда. Если для людей, исповедующих ислам, этот пейзаж — родной, и эта речка, эта рыбака, эта березка и это поле — то, в чем они выросли, как же я могу считать, что эти люди «не вписываются в мой пейзаж»? Вписываются, и запросто, потому что это мои братья. Это нужно принципиально познать.

Я не случайно приглашал на киноседа и православного священника, и равнина, и мдулу. Любо, обуреваемые бесовщиной, не понимают зачем, издеваются над этим в прессе — как равнин веселый съезд, потом мдулу чему-то учил. Но все подвергает рже иронии, они себя же и опустошают.

— Много говорят о необходимости национальной идеи. Но откуда ей взяться? Ее нельзя декретировать, назначать указом.

— Для меня национальная идея заключается в том, чтобы были повод, возможность и основание вернуться стране достоинство. Брать долг, зная, что не отдашь, — стыдно и недостойно. Плохо работать — недостойно. Страна жаждет любви. Она хочет быть любимой. Русского человека всегда можно убедить. По-хорошему. Ну погоди, давай поговорим. Ты

анафеме. А ведь мы-то сегодня стоим на грани: меняет не президента, а строя. Каждые четыре года — смена координат. Вчерашние правители объявляются преступниками. Вчерашние идеалы — ложными. Это же постоянное состояние войны!

— Как вернуть достоинство? Как снова найти национальную идею? Для начала я бы попытался объяснить людям, что хорошего сделали Ельцину. Но ведь было и хорошее! Сегодня большинство тех, кто претендует на власть, будут строить свою политику на отрицании. И это очень просто: учителя не получают зарплату, шахтеры бастуют... Но придет другой — он что, сделает наоборот? Опять национализировать, отнять у тех, кто сумел встать на ноги? Этого допустить нельзя. Революционный путь — катастрофа для всех.

Первым большевиком был Петр I. Непрерывно-видеть результаты при своей жизни в такой стране, как Россия, — то же самое, что методом поворота шлопка попытаться повернуть фрегат. Такую машину развернуть, да еще надо всем объяснить! А времени объяснять нет, значит, надо страшно не сбросить бороду — в острог. И люди не понимают, что делают. И ненавидят. Русский человек, к сожалению, научен много делать без объяснений. Но это до поры до времени. А потом он уже и объяснений не слушает.

— Все все чаще спрашивают: собираетесь ли вы выдвинуть свою кандидатуру в президенты.

— Мне это странно, я никогда ничего подобного не заявлял. Но готов помочь любому, в ком вижу реальное отражение того, о чем мечтаю, что мне кажется правильным. Я совершенно уверен: страна на мдулет. Люди перестали надеяться на то, что профессия защитника, милиционер поможет, начальник добрый, а генсек умный. Страну можно обмануть еще раз. Но я уверен в том, что она непогибаема. Мне только жалко, что тратится время.

— Хозяин в России — тот, кто сначала кормит тех, кто рялом, за кого он отвечает, а потом ест сам. И чем лучше он будет кормить других, тем лучше будет жить. А не наоборот, как происходит сейчас: сначала нажраться, а уж там и до других дойдет очередь. И ничего это не вызывает,

доверие, — что в этом плохого? Если я верю, что решения власти вызваны искренним желанием сделать стране лучше, я готов ее понять и вместе с ней нести все тяготы. Из чего возникло противостояние интеллигенции начальству? Из того, что интеллигенция живет в дерьме, а начальство в шоколаде.

— Но так не всегда было в России.

— Конечно.

— А противостояние было всегда.

— Также не всегда. Вспомните Грибоселова, который говорил о декабристах: колесания умов, ни в чем не твердых. Противостояние возникло с момента, когда пагубная идея эгалити, братерности и так далее, как бахила, стала разлетаться нутро. Братство? Конечно! Свобода? Да! Но — в рамках закона. Равенство? Но оно недостижимо, это иллюзия, обман. Равенства не может и не должно быть. Даже Христос говорил: много знающих, но мало избранных. Равенство — это когда я заработал и живу в доме, а ты бомжешь под мостом. А потом протрещешь, придешь ко мне с торпиком и скажешь: как так, у тебя все есть, а у меня ничего?

— Равноправие — да! Каждому дается возможность. А уж дальше — все зависит от тебя, как ты учился, не списал ли и т.д. Мой прадед Суриков — сын казака, но при равных правах своим трудом преуспевал в великом художника. И у него не было папы — депутата Верховного Совета. Это вообще заблуждение, что папа может помочь, мне это только мешало. Потому что любой мой успех немедленно списывали на то, что я сын Михалкова. В школе меня так достали, что я стал врать, будто я не настоящий сын, а приемный. Будто меня нашли в разрушенном доме. Я это придумал, чтобы вызвать хоть какую-то жалость и не было повода меня все время колотить.

— Мне кажется, вы и к новому своему посту относитесь как к продолжению режиссуры. Вы верите, что можно рескрипировать Союз кинематографистов? Страну?

— Конечно. Убежден. Размещайте режиссер. Посмотрите, как он режиссирует кадры. Только на другом уровне, и двигаются другие актеры. Что такое режиссура? Создание мира. Страна не возникает сама, ее создают люди. И я уверен, в ней можно создать атмосферу. Надо просто разговаривать с людьми, которые понимают, что ты их любишь, пытаешься им помочь и вместе с ними ищешь к этому пути.

Множество людей живут в заблуждении, что Россия — это Москва. Но это не так. И я спокоев, потому что точно знаю: путь переиду колесать «дорогу» и в любом доме, куда ни войду, смогу разговаривать с людьми. Мне интересна любая точка зрения. Если это точка зрения, а не просто желание окатиться сверху. Мне тогда и спорить неинтересно.

— Но посмотрите на эволюцию тех, кто оказывается у власти. Ведь были живые глаза и у Ельцина, и у Чубайса, и у Немцова, у всех, на кого возлагались надежды. Но они входили во власть, и их, как в мясорубку, затыгивали в то же русло. И тухла глаза. И они становились неуловимо похожими на предельно-тщеславных. И это-то происходило между ними и теми, с кем еще вчера они умели разговаривать. Здесь какая-то жуткая закономерность, и неизвестно, как ее нарушить.

— Я знаю. Причина — безбожие. Они не знают внутреннего закона. Помните, существует духовная работа, которая ищет понимания. Представьте себе, что следующий президент примет присягу в Успенском соборе. Сейчас всех волнует переадресирование найденных под Екатеринбургом останков. Кому бы они ни принадлежали, сама эта акция могла бы стать поворотной: это дань покаяния. Надо было сказать мы — государство, президент, губернаторы России — этой акцией заявляем всем: мы не можем решать политические проблемы через кровь, убийства, вооруженное сопротивление одного брата другому. Это не просто похорона останков неинно убиенных — это похороны гражданского война. Надо было перестать эти останки из рук в руки, из рук в руки от Екатеринбург до Невы — это была бы такая красивая акция! И она способствовала бы единению людей. Это — режиссура! И можно было бы снять гениальную картину о том, как кончаются смутные времена.

— Вы верите в лучшее?

— Да, абсолютно. Уныние и отчаяние для православного человека — грех. Радость веры, надежда, любви, освещающая мудрость, всегда помогала нашему народу выжить в испытаниях. Я уж не говорю про юмор, без которого жизнь русского человека была бы, наверное, вообще невозможна.

Валерий КИЧИН.